A 182/531

ЗАСѢДАНІЕ,

БЫВШЕЕ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

Россійской Академіи

18 Января 1836.

ЗАСѢДАНІЕ

БЫВШЕЕ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ

18 Января 1836.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1836.

Печатано по опредѣленію

ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи.

Непремѣнный Секретарь *Дмитрій Языковъ.*

ЗАСѢДАНІЕ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ,

18 Января 1836 года.

Въ собраніи Императорской Россійской Академіи 18 Января 1836 года, которое было удостоено присутствіемъ Его Свѣтлости Принца Петра Олденбургскаго, избраннаго Академіею въ 11 день того же мѣсяца въ Почетные Члены оной, происходило слѣдующее.

I.

Непремѣнный Секретарь открылъ засѣданіе чтеніемъ слѣдующей краткой исторіи Академіи съ основанія оной по сіе время.

Императорская Россійская Академія основана Императрицею ЕКАТЕРИНОЮ II въ 21 день Октября 1783 года. Ученое сіе Общество первоначально составилось изъ особъ первѣйшихъ Государственныхъ сословій

БИБЛИОТЕКА

и нѣкоторыхъ отличныхъ того времяни Ученыхъ и Любителей отечественнаго языка и словесности, а предсѣдателемъ онаго Государыня повелѣла быть Княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой, которая въ тоже время была Директоромъ и Академіи Наукъ.

Первою заботою Россійской Академіи было составленіе Словаря Россійскаго языка. Трудъ важный, требовавшій, по новости своей и малости пособій, необыкновенныхъ усилій, и достопримѣчательный тѣмъ, что Великая Основательница Академіи принимала въ немъ участіе не токмо словомъ, но и дѣломъ. Академія совершила сей подвигъ въ теченіе шести лѣтъ, и Словарь, расположенный словопроизводнымъ порядкомъ, былъ изданъ въ 6 частяхъ, 1789 — 1794 года.

Вскорѣ послѣ сего, Академія приступила къ составленію втораго изданія, но расположеннаго азбучнымъ порядкомъ. Сіе изданіе явилось въ свѣтъ уже въ царствованіе АЛЕКСАНДРА I, также въ 6 частяхъ, 1806 — 1822.

Въ одинъ годъ съ основаніемъ Россійской Академіи, но нѣсколько ранѣе, начала издаваться въ Санктпетербургѣ книга, извѣстная подъ названіемъ Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова. Многіе изъ Членовъ

Россійской Академіи содѣйствовали сему изданію, какъ-то: Державинъ, Фонъ-Визинъ, Капнистъ и другіе. Сама ЕКАТЕРИНА удостоила сіе повремянное изданіе Высокимъ Своимъ участіемъ: Записки касательно Россійской исторіи, Были и Небылицы, и нѣкоторыя другія статьи написаны Ею; конечно, въ то время знали ето не многіе: но послѣ оно стало извѣстно всѣмъ.

Слѣдующее произшествіе достойно быть сохранено въ памяти. Фонъ-Визинъ доставилъ въ Собесѣдникъ статью подъ названіемъ: »*Нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить* »*въ умныхъ и честныхъ людяхъ особливое* »*вниманіе.*« Во всѣхъ сихъ вопросахъ дышетъ его сатирическій умъ, а въ нѣкоторыхъ онъ даже далъ излишнюю свободу своему языку. Не смотря на то вопросы явились въ Собесѣдникѣ съ весьма остроумными отвѣтами. Приведемъ здѣсь нѣкоторые. В. Отъ чего всѣ въ долгахъ? О. Отъ того, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ. В. Отъ чего не только въ Петербургѣ; но и въ самой Москвѣ перевелись общества между благородными? О. Отъ размножившихся клубовъ. В. Отъ чего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, что бы поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ

томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать ихъ гвардіи унтеръ-офицерами? О. Отъ того, что одно легче другаго. В. Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться? О. Отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго. В. Отъ чего у насъ не стыдно не дѣлать ничего? О. Сіе неясно: стыдно дѣлать дурное, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего. В. Отъ чего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостію, потомъ оставляются, а не рѣдко и со всемъ забываются? О. По той же причинѣ, по которой человѣкъ стареется. В. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ? О. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи, и въ корнѣ всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ. В. Отъ чего въ прежніе времяна шуты, шпыни и балогуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе? О. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли. — Издатели Собесѣдника предувѣдомили читателей, что трудъ разсматривать присылаемые къ нимъ сочиненія, и отвѣчать на нихъ, въ случаѣ нужды, они раздѣлили между собою понедѣльно, и что отвѣты на присланные вопросы написаны сочинителемъ

Былей и Небылицъ. — А Были и Небылицы, какъ извѣстно, были произведеніемъ пера ЕКАТЕРИНЫ. — Но обратимся къ Академіи.

Княгиня Дашкова предсѣдательствовала въ Академіи до изхода 1796 года. Блаженныя памяти Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I, вступивъ на Престолъ, повелѣлъ быть Президентомъ Академіи Тайному, послѣ Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Андрею Андреевичу Нартову. Подъ его предсѣдательствомъ она сочинила и напечатала Грамматику Россійскую, 1802 года, которая послѣ перепечатывалась три раза; издавала повременное сочиненіе подъ названіемъ: Сочиненія и Переводы Академіи; Словарь, расположенный по азбучному порядку, съ 1806; да переводы: съ Латинскаго, Лѣтопись Тацитова, IV части, 1806—1809, и съ Французскаго, Путешествіе младшаго Анахарсиса, VI частей, 1804—1809.

Нартовъ скончался въ 1813 году; мѣсто его, по Высочайшей волѣ, занялъ въ томъ же году нынѣшній нашъ почтеннѣйшій Президентъ, бывшій тогда съ Государемъ Императоромъ за границею.

Академія, во все время предсѣдательства Княгини Дашковой и Нартова, не имѣла настоящаго Устава, а руководствовалась нѣко-

порыми времянными Высочайше одобренными правилами. Государь Императоръ, по окончаніи Отечественной войны, возвратясь въ Россію, повелѣлъ Г-ну Президенту составить проэктъ Устава, который и удостоился Высочайшаго утвержденія 29 Мая 1818. По приложенному къ сему Уставу штату Академія получаетъ 60.000 рублей въ годъ.

Благополучно нынѣ Царствующій Государь Императоръ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ, принявъ подъ Высочайшее Свое покровительство Россійскую Академію, Всемилостивѣйше соизволилъ оставить для нее Уставъ и Штатъ, дарованные ей Августѣйшимъ Его Предшественникомъ.

Академія, подъ руководствомъ настоящаго своего Предсѣдателя издала по сіе время слѣдующіе повременные сочиненія: Извѣстія Академіи, 1815—1823, XI книжекъ; Повременное изданіе, 1829—1832, IV части; Краткія Записки, 1834—1836, III книжки. Всѣ сіи изданія наполнены сочиненіями и переводами Членовъ Академіи и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ. Сверхъ того, издала переведенныя по ея порученію съ Латинскаго языка Квинтиліяновы Риторическіе наставленія въ двухъ частяхъ 1834, и Собраніе сочиненій и переводовъ столь много уважаемаго ею своего

Президента, принесшаго, какъ всѣмъ извѣстно, величайшую пользу отечественному слову. Собраніе сіе, состоящее изъ XVI частей, сверхъ многихъ сужденій о Славянскомъ, яко древнѣйшемъ языкѣ, содержитъ въ себѣ глубокія о корняхъ словъ изслѣдованія, почерпнутыя изъ Сравнительнаго Словаря почти всѣхъ языковъ и нарѣчій. Извѣстно, что Императрица ЕКАТЕРИНА Великая, начертала планъ сего Словаря, и положивъ начало оному собственною рукою, продолженіе и окончаніе поручила Академику Палласу. Книга сія, весьма уважаемая всѣми иностранными любословами, содержитъ въ себѣ 275 слова, изъ коихъ каждое названо на 200 языкахъ. Но собраніе сіе состояло изъ однихъ голыхъ словъ не подведенныхъ по очевидному единству ихъ, однѣ подъ другія, а теперь собраны онѣ и раздѣлены на семейства, сличенныя съ другими языками и объясненныя примѣчаніями, разливающими большой свѣтъ на языкознаніе. Словарь сей переведенъ нынѣ на Нѣмецкій языкъ; первая часть и нѣсколько листовъ второй напечатано.

Между тѣмъ Академія не упустила изъ виду главнѣйшаго своего занятія: приготовленія къ третьему изданію Словаря, котораго просмотрѣно уже 54 листа. Но какъ на

сіе посвящены были обыкновенныя ея собранія, бывающія одинъ разъ въ недѣлю и продолжающіяся не болѣе двухъ часовъ, то для успѣшнѣйшаго и скорѣйшаго окончанія сего труда, она составила, въ исходѣ Декабря минувшаго года, особый Комитетъ, отъ усердія Членовъ котораго можно надѣяться, что дѣло сіе совершится въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ.

Академія, по Уставу своему, обязана поощрять наградами способствующихъ пользѣ языка и Словесности. На сіе употребила она съ 1818 года значительныя суммы, исчисленіе коихъ было бы здѣсь продолжительно. Для опредѣленія достоинства представленнаго сочиненія или перевода, она до сего назначала каждый разъ особыхъ Членовъ; но какъ такое распоряженіе бываетъ не всегда удобно; то въ исходѣ Сентября минувшаго года, учрежденъ для сего постоянный Комитетъ.

Наконецъ, Академія, желая почтить память своихъ Членовъ, положила издать, посредствомъ литографованія, портреты ихъ съ приложеніемъ краткихъ жизнеописаній тѣхъ, кои кончили уже земное свое поприще. Учрежденный для сего 19 Октября минувшаго года Комитетъ представилъ уже шесть

портретовъ: Митрополита Самуила, Шувалова, Фонъ-Визина, Лепехина, Олсуфьева, Озерецковскаго, при чемъ донесъ, что еще девять въ весьма скоромъ времени будутъ готовы.

II.

Дѣйствительный Членъ Академіи, Его Высокопреосвященство Филаретъ, Митрополитъ Московскій и Коломенскій, изъяснивъ предварительно, что можетъ быть, не нелюбопытно будетъ Россійской Академіи бросить взглядъ на Рускую Риторику XI вѣка, представилъ отрывокъ изъ рукописи 1073 года, писанной для Великаго Князя Святослава, и хранящейся нынѣ въ Московской Синодальной библіотекѣ.

Рукопись называется *Изборникъ*, то есть, извлеченіе избранныхъ мѣстъ изъ разныхъ писателей.

Она содержитъ наиболѣе предметы, относящіеся до Христіянскаго ученія, по частію и метафизическіе по разуму того вѣка, на примѣръ, *о естествѣ, о собствѣ, о лици, о различіи, о случаніи, о супротивныхъ, о оглаголемыихъ.*

На оборотѣ листа 237 начинается 175 статья книги, которая говоритъ о тропахъ и фигурахъ. Вотъ ея начало:

Гторыгнѧ хоуробьска о образѣхъ. творьчьстии образи сѫть из:

1) инословие
2) прѣводъ (metaphora)
3) напотребие
4) приѧтие
5) прѣходьное
6) възвратъ
7) съпрѧтие
8) сънѧтие
9) им ноткорие (onomatopeia)
10) сътворение
11) възимномѣстьство
12) отъимение (metonymia)
13) въспѧтословие
14) окроугословие
15) нестатъкъ
16) издрѧдие
17) анхорѣчьие
18) притъча
19) прикладъ
20) отъдание
21) лицетворие (олицетворение)
22) сълогъ
23) пороугание (ironia)

24) видъ

25) послѣдословие.

Инословие оубо есть ино нѣчто глюшти а инъ разоумъ оуказаюшти якоже еже е речено отъ ба къ змии проклята ты и отъ всѣхъ звѣрий слово во аки змии есть на диавола же ино рѣчь нѣ змыемъ нарицаема разоумѣваемъ.

Далѣе слѣдуютъ подобныя сему опредѣленія и прочихъ вышесчисленныхъ наименованій, но не довольно понятныя для чинителя, можетъ быть и потому, что не довольно понимаемы были предметы составителемъ или переводчикомъ, издателями Руской энциклопедіи XI вѣка.

III.

Непремѣнный Секретарь прочелъ:

а) Изъ Устава Академіи главу II о должности и обязанностяхъ Академіи, и имянно:

§ 1.

Академія прилагаетъ всевозможное попеченіе о изданіи служащихъ къ распространенію знанія въ языкѣ книгъ, съ отличнымъ ищa-

віемъ, трудолюбіемъ и разсмотрительностію сочиняемыхъ. Таковыя книги суть напримѣръ: a) Общій Словарь языка съ предначертанными при сочиненіи онаго правилами. b) Частные Словари художественныхъ названій, какъ то: Морской, Ботанической и проч. c) Толковый Словарь древнихъ, малоизвѣстныхъ словъ, или же и нынѣ употребительныхъ, но въ нѣкоемъ уклонившемся противъ прежняго смыслѣ. d) Сводъ Славенскихъ нарѣчій. e) Изслѣдованіе корней и произшедшихъ отъ нихъ вѣтвей. f) Риторика общая, то есть, разсуждающая о началахъ и правилахъ стихотворства и краснорѣчія, всѣмъ языкамъ общихъ. g) Риторика особенная, то есть, разсуждающая о красотахъ стихотворства и краснорѣчія, особенно Рускому языку свойственныхъ, изъ его источниковъ почерпнутыхъ, и ему единственно принадлежащихъ. h) Грамматика Славенская. i) Грамматика Руская. k) Наконецъ многія другія, составъ, свойство, красоту и силу нашего языка открывающія сочиненія.

§ 2.

Академія старается творенія знаменитыхъ писателей, не существующихъ болѣе,

и если они права печатанія оныхъ ни кому не оставили, вновь издавать, съ описаніемъ жизни сочинителя и съ полезными для языка и словесности примѣчаніями на оныя. Таковымъ твореніямъ Академія есть природная покровительница и наслѣдница.

§ 3.

Академія имѣетъ попеченіе изъ всѣхъ древнихъ и новыхъ писателей лучшія и превосходнѣйшія мѣста стихами и прозою выбрать, и составить изданіе, въ которомъ бы, какъ ходъ языка, или постепенное измѣненіе его подобрано, такъ и разнаго рода разныхъ писателей творенія съ нѣкоторыми примѣчаніями вкупѣ собраны были.

§ 4.

Академія наблюдаетъ, чтобы хорошихъ и полезныхъ книгъ время не истребляло, и чтобъ тѣ изъ оныхъ, которыя пришли въ забвеніе или сдѣлались весьма рѣдки, вновь издавать, дабы многія изъ нихъ не оставались, какъ нынѣ, извѣстны по однимъ только заглавіямъ своимъ, или совсѣмъ изъ памяти людской исчезли.

§ 5.

Академія старается иностранныхъ классическихъ стихотворцевъ, каковы суть: Гомеръ, Виргилій, Тассъ, Мильтонъ, и проч. переводить на Россійской языкъ; но такъ, какъ должно быть Академическому переводу, т. е., чтобъ напечатанный вмѣстѣ съ подлинникомъ былъ онъ сколько можно изъ слова въ слово, изъ періода въ періодъ, дабы читатель не слогъ переводчика въ немъ видѣлъ, но проницалъ бы точное расположеніе мыслей и духъ творца. Слова и выраженія подлинника, не могущія въ переводѣ сохранить настоящаго смысла и силы своей, должны быть истолкованы, и вообще таковый переводъ долженъ быть обогащенъ примѣчаніями, какъ собственными своими, такъ и изъ другихъ хорошихъ толкователей почерпнутыми.

b) Изъ всеподданнѣйшаго доклада Президента Академіи, при поднесеніи на Высочайшее усмотрѣніе проекта Устава:

Академія есть стражъ языка; и потому должно ей со всевозможною къ общей пользѣ ревностію вооружаться противъ всего несвойственнаго, чуждаго, невразумительнаго, темнаго, ненравственнаго въ языкѣ. По сіе

вооруженіе ся долженствуетъ быть на единой пользѣ Словесности основанное, кроткое, правдивое, безъ лицепріятія, безъ нападеній и потворства, не похожее на тѣ предосудительныя сочиненія, въ которыхъ, подъ мнимымъ разборомъ, пристрастное невѣжество, или злость расточаютъ недостойныя похвалы или язвительныя хулы безъ всякой истины и доказательствъ, въ коихъ однихъ заключается достоинство и польза сего рода писаній.

IV.

За симъ Дѣйствительный Членъ М. Е. Лобановъ занялъ собраніе чтеніемъ: мнѣнія своего о духѣ и словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной. Оно состоитъ въ слѣдующемъ:

Любовь къ чтенію и желаніе образованія сильно увеличились въ нашемъ Отечествѣ въ послѣдніе годы. Умножились типографіи, умножилось число книгъ; журналы расходятся въ большемъ количествѣ; книжная торговля распространяется.

Событіе пріятное для наблюдателя успѣховъ въ нашемъ Отечествѣ, столь важное

по отношеніямъ и послѣдствіямъ! Такъ, безъ сомнѣнія, всякое сочиненіе, всякое періодическое изданіе, статья и даже отрывокъ, съ доброю цѣлію и добросовѣстностію издаваемые, если соблюдается въ нихъ строгая нравственность, распространяются чистыя правила, вѣрныя сужденія, вкусъ и познанія, если сохраняется чистота и правильность языка, питаются священнѣйшія чувствованія любви къ Государю и Отечеству, и ко всему полезному, доброму, изящному—есть драгоцѣнное достояніе Государства, есть благотворное зерно назиданія народнаго.

Но отвѣчаютъ ли симъ непремѣннымъ условіямъ выходящія и читаемыя нынѣ книги и журналы? Добросовѣстно ли удовлетворяется эта важная потребность народа? Безвредныя ли сѣмена сѣются для жатвы грядущихъ временъ? И въ какихъ бы образахъ мысли и чувствованія писателей ни проявлялись, въ романѣ ли, сказкѣ ли, поэмѣ, драмѣ или повѣсти, служатъ ли они къ назиданію, или по крайней мѣрѣ къ невинному занятію читателя? Разрѣшеніе сихъ важныхъ вопросовъ требуетъ глубокаго изслѣдованія. Но безпристрастные наблюдатели, носящіе въ сердцахъ своихъ любовь ко всему, что клонится къ благу Отечества, преходя

въ памяти своей все, въ послѣднія времена ими читанное, не безъ содроганія могутъ сказать: есть и въ нашей новѣйшей Словесности нѣкоторый отголосокъ безнравія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями. Народъ заимствуетъ у народа, и заимствовать полезное, подражать изящному, предписываетъ благоразуміе.—Но чтожъ заимствовать нынѣ (говорю о чистой Словесности) у новѣйшихъ писателей иностранныхъ?

Они часто обнажаютъ такія нелѣпыя, гнусныя и чудовищныя явленія, распространяютъ такія пагубныя и разрушительныя мысли, о которыхъ читатель до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и которыя насильственно влагаютъ въ душу его зародышъ безправія, безвѣрія, и слѣдовательно будущихъ заблужденій, или преступленій.

Уже ли жизнь и кровавыя дѣла разбойниковъ, палачей и имъ подобныхъ, наводняющихъ нынѣ Словесность въ повѣстяхъ, романахъ, въ стихахъ и прозѣ, и питающихъ одно только любопытство, представляются въ образецъ для подражанія? Уже ли отвратительнѣйшія зрѣлища, внушающія не назидательный ужасъ, а омерзѣніе, возмущающее душу, служатъ въ пользу человѣчеству? Уже ли истощилось необъятное поприще бла-

городнаго, назидательнаго, добраго и возвышеннаго, что обратились къ нелѣпому, развращенному, омерзительному, и даже ненавистному?

Какъ въ добродѣтеляхъ, такъ и въ порокахъ, есть постепенности для человѣка, есть постепенности и для цѣлыхъ народовъ. Словесность даетъ имъ направленіе. Писатели утверждали народъ въ добродѣтеляхъ, или поражали вѣру и потрясали Государства. Они первые путеводители народовъ, или къ доблестямъ, или къ позору.

»Французская Словесность трехъ послѣд»нихъ годовъ, говоритъ въ извѣстномъ Ан»глинскомъ журналѣ: Edimburgh review (*), »представляетъ взорамъ наблюдателя нѣчто »въ высшей степени странное..... Хаосъ въ »мысляхъ и смѣшное преувеличеніе искажа»ютъ большую часть новѣйшихъ произведе»ній.... Нѣтъ ничего глубокаго, ничего ис»тиннаго, нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго чув»ства.... Повсюду встрѣчаемъ мы сцены »жестокости, или безстыдства, выраженія »бѣшенства или опьяненія, нѣтъ ничего утѣ»шительнаго, ни одного истинно нравствен»наго творенія, которое бы имѣло цѣлію

(*) Извлеченіе изъ перевода, напечатаннаго въ Библіотекѣ для чтенія 1834 г.

»утвердить правила вѣры, пережившей »столько земныхъ переворотовъ, и съ которой такъ тѣсно связаны и привычки и чув»ства и нравы наши....

Говоря о Бальзакѣ, Жюль-Жаненѣ и Сю, продолжаютъ: »Почти на каждой страницѣ »встрѣчаемъ похвалы убійству и глубочай»шей безнравственности.... Эфемерная сло»весность Франціи, вѣрная и услужливая пе»репищица грязныхъ страстей черни .... »опрокидывающая всѣ понятія, поносящая »всѣ мнѣнія, смѣшивающая всѣ роды сло»га,.... бросающая всѣ краски и грязь на »удачу,... сама безстыдно провозглашающая »свое ничтожество, свое сумасбродство, свое »безсиліе.... Словесность жалкая, избравшая, »кажется, себѣ лозунгомъ: ни на что не на»дѣяться, ничему не вѣрить, ни предъ чѣмъ »не содрогаться.

»Но къ чему ведутъ всѣ сіи лунатиче»скіе плоды труда? Стоитъ посмотрѣть на »эту тьму писателей.... какъ они, пользу»ясь смятеніемъ умовъ, кидаются въ мутную »воду, чтобъ выловить себѣ нѣсколько славы »и денегъ.... Жалкіе торгаши дара слова, »выступившіе впередъ цѣлыми полчищами »съ той поры, какъ безнравственность рас»торгла всѣ преграды, а публика.... безъ

»дальнѣйшаго разбора стала принимать все »писанное и печатное... они продаютъ услу»ги свои любой изъ партій, раздирающихъ »Государство, и кормясь такимъ гнуснымъ »ремесломъ, унижаютъ отечественную сло»весность. Имъ-то обязаны мы тѣми мерз»кими взаимными бранями газетъ, непри»стойными и безчеловѣчными романами, без»честящими книгопечатаніе; тѣми подобо»страстными и подкупными критиками, »которыми наполнены литтературные жур»налы.

»Для Гг. Сю и Жанена, не рѣдко и для »самаго В. Гюго, злодѣяніе, убійство, посрам»леніе женской чести, кровосмѣшеніе — суть »коренные предметы повѣствовательнаго нра»воученія. Бальзакъ довольствуется однимъ »распутствомъ.... Многіе мѣста его сочине»ній способны привести въ краску любаго »драгуна и даже изумить извощика...»

Такова нынѣ Словесность Франціи. Но не вторгается ли она, не вторглась ли уже въ наше Отечество, и нѣтъ ли въ нашей Словесности нѣкотораго, хотя слабаго, сходства съ симъ описаніемъ?....

Для Франціи, для народовъ, отуманенныхъ гибельною для человѣчества новѣйшею философіею, огрубѣлыхъ въ кровавыхъ явле-

ніяхъ революцій, и упавшихъ въ омутъ душевнаго и умственнаго разврата,—самыя развратительнѣйшія зрѣлища, напримѣръ: гнуснѣйшая изъ драмъ, омерзительнѣйшій хаосъ ненавистнаго безстыдства и кровосмѣшенія, *Лукреція Борджіа*—не кажутся имъ таковыми; самыя разрушительнѣйшія мысли для нихъ не столь заразительны; ибо они давно ознакомились и, такъ сказать, срослись съ ними въ ужасахъ революцій; но для народа еще цѣломудреннаго, еще чуждаго и политическихъ и нравственныхъ заблужденій, но грознаго страстями и силою душевною, жаднаго познаній и впечатлѣній,—подобныя явленія — есть бѣдствіе, есть совершенная зараза.—Какъ для тѣла, такъ для ума и души Руской нужна пища здоровая и чистая, а не плевелы, а не кощунство и разрушительные помыслы иноплеменниковъ.

Останавливаясь на духѣ и направленіи нашей Словесности, всякой просвѣщенный человѣкъ, всякой благомыслящій Рускій видитъ: въ теоріяхъ наукъ — сбивчивость, непроницаемую тьму и хаосъ несвязныхъ мыслей; въ приговорахъ литтературныхъ, совершенную безотчетность, безсовѣстность, наглость и даже буйство. Приличіе, уваженіе, здравый умъ, отвергнуты, забыты, уничтожены. Ро-

манизмъ, слово до сихъ поръ неопредѣленное, но слово магическое, сдѣлался для многихъ эгидою совершенной безотчетности и литтературнаго сумасбродства. Критика, сія кроткая наставница и добросовѣстная подруга Словесности, нынѣ обратилась въ площадное гаерство, въ литтературное пиратство, въ способъ добывать себѣ поживу изъ кармана слабоумія дерзкими и буйными выходками, не рѣдко даже противъ мужей государственныхъ, знаменитыхъ и гражданскими и литтературными заслугами. — Ни санъ, ни умъ, ни талантъ, ни лѣта, ни что не уважается. Ломоносовъ слыветъ педантомъ. Величайшій геній, оставившій въ достояніе Россіи высокую пѣснь Богу, пѣснь, которой нѣтъ равной ни на одномъ языкѣ народовъ вселенной, какъ бы не существуетъ для нашей Словесности: онъ, какъ бы безталанной, оставленъ безъ вниманія. Имя Карамзина, мудреца глубокаго, писателя добросовѣстнаго, мужа чистаго сердцемъ, предано глумленію.... Его давно уже нѣтъ, но низкія страсти еще шипятъ на него, и зависть безсильнымъ своимъ зубомъ гложетъ безотвѣтную его гробницу.

Не стану говорить ни о господствующемъ вкусѣ, ни о понятіяхъ и ученіяхъ объ

изящномъ. Первый явно вездѣ и во всемъ обнаруживается и всякому извѣстенъ; а послѣднія такъ сбивчивы и превратны, въ новѣйшихъ эфемерныхъ и разрушающихъ одна другую системахъ, или такъ спутаны въ суесловныхъ мудрованіяхъ, что они непроницаемы для здраваго разума. Нынѣ едва ли вѣрятъ, что изящное, при нѣкоторыхъ только измѣненіяхъ формъ, было и есть одно и тоже для всѣхъ вѣковъ и народовъ; что Гомеры, Данты, Софоклы, Шекспиры, Шиллеры, Расины, Державины, не смотря на различіе ихъ формъ, рода, вѣры и нравовъ, всѣ созидали изящное и для всѣхъ вѣковъ; что писатели, романтики ли они или классики, должны удовлетворять умъ, воображеніе и сердце образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, а не одной толпы несмысленной, плещущей безъ разбора и гаерамъ подкачельнымъ. Нѣтъ! нынѣ проповѣдуютъ, что умъ человѣческій далеко ушелъ въ передъ, что онъ можетъ оставить въ покоѣ древнихъ, и даже новѣйшихъ знаменитыхъ писателей, что ему не нужны руководители и образцы, что нынѣ всякій пишущій есть самобытный геній; — и подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, поражая великихъ писателей древности именемъ тяжелыхъ и приторныхъ

классиковъ, (которые однакожъ за тысячи лѣтъ плѣняли своихъ согражданъ, и всегда будутъ давать много возвышенныхъ наслажденій своему читателю), подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, новѣйшіе писатели безотчетно омрачаютъ разумъ неопытной юности и ведутъ къ совершенному упадку и нравственность и словесность.

По множеству сочиняемыхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, Цензурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ проникнуть всѣ ухищренія пишущихъ. Не легко разрушить превратность мнѣній въ Словесности и обуздать дерзость языка, если онъ, движимый злонамѣренностію, будетъ провозглашать нелѣпое и даже вредное. Ктожъ долженъ содѣйствовать въ семъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный Рускій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе Академія, для сего самаго учрежденная. Она, движимая любовію къ Государю и Отечеству, имѣетъ право, на ней лежитъ долгъ неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, гдѣ бы оно ни встрѣтилось на поприщѣ Словесности. *Академія* (сказано въ ея Уставѣ, гл. III, § 2, и во всеподданнѣйшемъ докладѣ § III) *яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чи-*

стоты языка, разборъ книгъ, или критическія сужденія, долженствуетъ почитать одного изъ главнѣйшихъ своихъ обязанностей. Итакъ, Милостивые Государи, каждый изъ почтенныхъ Сочленовъ моихъ да представляетъ для разсмотрѣнія и напечатанія въ собранія сей Академіи, согласно съ ея Уставомъ, разборы сочиненій и сужденія о книгахъ и журналахъ новѣйшей нашей Словесности, и тѣмъ содѣйствуя общей пользѣ, да исполняетъ истинное назначеніе сего Высочайше утвержденнаго Сословія.

V.

После сего Дѣйствительный Членъ В. А. Полѣновъ прочелъ сочиненное имъ краткое жизнеописаніе И. И. Лепехина, Члена и перваго Непремѣннаго Секретаря Россійской Академіи.

Иванъ Ивановичь Лепехинъ былъ одинъ изъ первыхъ Членовъ Россійской Академіи и съ самаго ея учрежденія исправлялъ должность Непремѣннаго Секретаря.

О происхожденіи его нельзя сказать ничего достовѣрнаго. По нѣкоторымъ свѣденіямъ можно полагать, что отецъ его служилъ въ Гвардіи въ нижнихъ чинахъ. Годъ его рожденія также неизвѣстенъ. Думаютъ, что онъ родился около 1740 года.

Начальное образованіе получилъ Лепехинъ въ Гимназіи, при С. Петербургской Академіи Наукъ существовавшей, въ которую онъ былъ опредѣленъ по Указу Правительствующаго Сената въ 1751 году изъ недорослей. Быстрые успѣхи его въ наукахъ, благонравіе и примѣрное поведеніе обратили на него вниманіе тогдашняго начальства Академіи. Въ 1760 г. онъ произведенъ въ Студенты, а въ 1762 отправленъ въ Страсбургскій Университетъ, гдѣ совершенно посвятилъ себя изученію Медицины и Естественной Исторіи, особенно же Ботаники. Съ необыкновенными дарованіями соединяя неутомимое прилежаніе, онъ снискалъ уваженіе бывшихъ въ то время знаменитыхъ Страсбургскихъ Профессоровъ, которые ставили его въ примѣръ другимъ учащимся. Въ 1767 Университетъ удостоилъ его степени Доктора Медицины.

По пріѣздѣ Лепехина изъ чужихъ краевъ въ томъ же году, Академія произвела его въ Адьюнкты по части Естественной Исторіи. Но и до возвращенія своего въ Отечество, онъ былъ уже здѣсь извѣстенъ глубокими познаніями во врачебной наукѣ и столько пріобрѣлъ къ себѣ довѣренности, что Медицинская Коллегія, не испытывая его, велѣла отпускать изъ аптекъ по его предписаніямъ всѣ врачебныя пособія.

Въ 1768 году Лепехинъ, по Высочайшему повелѣнію Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II, отправленъ въ путешествіе по Россіи, для изслѣдованія естественныхъ произведеній. Онъ исполнилъ возложенное на него порученіе съ пользою для наукъ, и съ честію для себя. Отправясь чрезъ Москву, обозрѣлъ многія мѣста Владимірской, Симбирской, Саратовской и Астраханской Губерній, переѣхалъ чрезъ безводную степь, простирающуюся отъ Волги до Киргизской земли; объѣзжалъ Уральскія горы; былъ въ Екатеринбургѣ, Тюменѣ, Вяткѣ, и чрезъ Устюгъ-великій прибылъ въ городъ Архангельскъ; потомъ объѣхалъ Бѣлое море и въ концѣ 1772 года возвратился въ С. Петербургъ. Но тѣмъ не кончились его странствованія. Въ слѣдующемъ году онъ посланъ для обозрѣнія Бѣлоруссіи, гдѣ и пробылъ до 1774 года. Плодами его путешествій были многія открытія и изысканія по Зоологіи и Ботаникѣ, также полезныя физическія, географическія и хозяйственныя наблюденія, описанныя въ его сочиненіяхъ. Сверхъ того онъ обогатилъ Кунсткамеру Академіи разными животными, растеніями, минералами и рѣдкостями всякаго рода.

Во время путешествія его, въ 1771 году, онъ произведенъ въ Академики. По возвраще-

ніи въ С. Петербургъ, предстали ему новые труды, кромѣ обыкновенныхъ Академическихъ занятій. На него возложено было смотрѣніе за Ботаническимъ садомъ; а по учрежденіи Коммиссіи для перевода иностранныхъ книгъ на Рускій языкъ, ему порученъ выборъ самыхъ книгъ и разсматриваніе переводовъ. Занятія его по Коммиссіи продолжались до учрежденія Россійской Академіи.

Въ 1777 году ввѣрено ему главное смотрѣніе надъ тѣмъ училищемъ, гдѣ въ юности его первая заря просвѣщенія на него блеснула. Цѣлыя пятнадцать лѣтъ онъ управлялъ Академическою Гимназіею, не получая за то ни жалованья, ни другаго возмездія. Бдительный надзоръ за преподавателями наукъ и отеческое попеченіе о учащихся пребудутъ незабвенны для тѣхъ, которые имѣли счастіе пользоваться его наставленіями. Преподавателей руководствовалъ онъ въ должномъ прехожденіи званія ихъ, воспитанниковъ почиталъ дѣтьми своими. Наблюдая за ихъ нравственностію, исправлялъ нерадивыхъ и склонныхъ къ порокамъ совѣтами и увѣщаніями; въ прилѣжныхъ умѣлъ поселить вящшую охоту къ ученію ласковостію и ободреніемъ; благонравныхъ старался удержать на пути добродѣтели, по которому самъ онъ шелъ

неуклонно. Имѣя чувствительное сердце, онъ проливалъ иногда слезы при увѣщаніи проступившагося. Слезы его были не безплодны: приводя въ раскаяніе виновнаго, онѣ смывали съ юнаго сердца самое поползновеніе къ новому проступку.

Избранный, въ 1783 году, въ Члены и Непремѣнные Секретари Россійской Академіи, Лепехинъ ознаменовалъ и въ новой должности свое усердіе. Принявъ дѣятельное участіе въ составленіи Словопроизводнаго Словаря, онъ одинъ опредѣлилъ и объяснилъ всѣ слова, къ Естественной исторіи принадлежащія. Вообще, стараніямъ и содѣйствію его Академія обязана тѣмъ, что Словарь ея приведенъ былъ къ окончанію довольно въ скоромъ времени, судя по предстоявшей тогда трудности къ собранію и объясненію множества словъ и особенныхъ выраженій обильнаго языка нашего. Труды Лепехина признаны были Академіею въ первое ея торжественное собраніе. Установленная въ награду принесшему отличную пользу Россійскому слову медаль, по мнѣнію одного изъ присутствовавшихъ тогда Членовъ, слѣдовала Княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой, какъ первой виновницѣ учрежденія Академіи; но Княгиня, указавъ на особенную ревность Лепехина къ пользѣ Рос-

сійскаго слова, предложила отличить его почестію медали, и все Собраніе изъявило согласіе на ея предложеніе. Такимъ образомъ первая Академическая медаль досталась тому, кто, по цѣли установленія ея, имѣлъ полное на нее право.

Вся жизнь почтеннаго мужа протекла въ трудахъ полезныхъ для наукъ и отечества. Въ преклонныхъ даже лѣтахъ, нося въ груди болѣзнь смертоносную, онъ не оставлялъ ученыхъ занятій и прилежно посѣщалъ Академическія собранія. Послѣднимъ трудомъ его былъ переводъ Естественной исторіи Графа Бюффона. Онъ скончался, къ сожалѣнію всѣхъ почитателей истинныхъ достоинствъ, 6 Апрѣля 1802 года, имѣя отроду, какъ нѣкоторые утверждаютъ, около 65 лѣтъ.

Монархи Россійскіе, всегда щедрые и справедливые цѣнители заслугъ, удостоивали милостивымъ вниманіемъ службу и труды его. Въ царствованіе Императрицы ЕКАТЕРИНЫ Великой, онъ награжденъ чиномъ Надворнаго Совѣтника (1780) и Орденомъ Св. Владиміра 4 степени (1790). Въ царствованіе Императора ПАВЛА I, получилъ чины, въ 1797 Коллежскаго, а въ 1799 Статскаго Совѣтника. Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I пожаловалъ ему Орденъ Св. Анны 2 степени (1801).

Ученыя общества воздали должную справедливость достоинствамъ и познаніямъ Лепехина. Императорское Вольное Экономическое Общество, Берлинское Общество друзей испытателей природы и Гессенгомбургское Патріотическое, приняли его въ свои Члены. Въ 1797 году онъ избранъ былъ въ Почетные Члены Государственной Медицинской Коллегіи. Ботаники назвали по его имени одно растеніе Лепехиніею (Lepechinia); Зоологи дали его имя двумъ породамъ насѣкомыхъ: красной Божьей коровкѣ (Chrysomela Lepechini) и проворному Кузнечику (Gryllus Lepechini). Иностранные путешественники поставляли себѣ въ пріятную обязанность посѣщать его.

Истинный Христіанинъ, добрый семьянинъ, вѣрный другъ, Лепехинъ и въ частной жизни пользовался общею любовію и уваженіемъ. Въ обхожденіи былъ привѣтливъ, въ разговорахъ скроменъ. Не чуждался пріятельской бесѣды, но любилъ говорить больше о предметахъ ученыхъ, смягчая кстати важность ихъ веселыми разсказами о приключеніяхъ, которыя случались съ нимъ во время его странствованій.

Незабвенны заслуги Лепехина по части ученой, какъ Естествоиспытателя достойны признательности въ отношеніи къ пользѣ

общественной, какъ образователя юношества важны въ отношеніи къ нашей Словесности, какъ рачителя о языкѣ Рускомъ. Отечество справедливо можетъ гордиться такимъ сыномъ.

VI.

Послѣ сего Дѣйствительные Члены М. Е. Лобановъ, Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ и Б. М. Ѳедоровъ читали, одинъ послѣ другаго, сочиненія своего стихи.

1.

КЪ ОТСУТСТВУЮЩЕМУ МОНАРХУ.

(*Подражаніе Горацію*).

Святыней Россіи державный хранитель,
Небесъ благодатныхъ священнѣйшій даръ,
Народовъ Европы судья и спаситель,
Тебя призываетъ отчизна твоя!

Мы взора Царева давно не встрѣчаемъ,
Петрополь унылый пустынею сталъ:
Съ Монархомъ любимымъ намъ солнце свѣтлѣе,
И Руское сердце живѣе кипитъ!

Какъ матерь, тоскуя по сынѣ ей миломъ,
Отторгнутомъ нуждой отъ груди родной,
По сынѣ, держимомъ враждебнымъ Эоломъ
Далеко и долго на чуждыхъ волнахъ,

Не сходитъ съ утеса, и съ синяго моря,
Любовію полныхъ, не сводитъ очей,
Алкающихъ парусъ любезный завидѣть:
Такъ мы, Благодатный, скорбимъ по Тебѣ!

Съ Тобой безопасность, покой вожделѣнный!
Въ долинахъ безпечно блуждаютъ волы;
Корабль веселѣе пускается въ волны,
И совѣсти съ правдой дружнѣе союзъ!

Что копья Агарянъ, что Персовъ намъ стрѣлы!
Намъ силы вселенной съ Тобою — ничто.
Птенцовъ, опочившихъ орла подъ крылами,
Должно ли тревожить жужжанье осы!

Оратай безъ страха за плугомъ лицуетъ,
И нивамъ ввѣрлетъ надежды свои;
Или на холмахъ виноградъ собираетъ,
И радостной пѣснію славитъ Тебя!

Подъ сельскою кровлей, въ бояхъ Твой сподвижникъ,
Сынамъ повѣствуетъ побѣды Твои,
И чару въ восторгѣ высоко поднявши,
Тебѣ восклицаетъ трикратно: ура!

Монархъ, возвратися! и всѣмъ благотворный,
Въ себѣ возврати намъ нашъ вѣкъ золотой! —
Такъ гласомъ единымъ взываетъ Россія
И съ свѣтомъ Авроры и съ мракомъ ночнымъ!

1814 г. *М. Лобановъ.*

2.

ВОЕННАЯ ПѢСНЬ РОССІЯНЪ.

Съ нами Богъ!... внимай вселенна!
Съ нами шествуетъ Богъ силъ;
Бей челомъ, иль будешь плѣнна:
Намъ Всевышній громъ вручилъ.

Съ нами Богъ — и въ колыбели
Мы лелѣяны войной;
Отъ пеленъ мечемъ владѣли,
Вмѣсто игръ, текли на бой.

Съ нами Богъ — и щитъ Олеговъ
Осѣнилъ врата въ Царьградъ;
Святославъ — страхъ Печенѣговъ —
Въ шумѣ битвъ искалъ отрадъ.

Съ нами Богъ — и Орды сильны
Пали съ грозной высоты:
Днесь курганы ихъ могильны
Кажутъ образъ суеты.

Съ нами Богъ! . . . воинце Сарматы
Бремя намъ несли оковъ:
Гдѣ дружины ихъ крылаты?
Гдѣ на Русь ихъ злобный ковъ?

Съ намъ Богъ — и надъ Полтавой
Гордо нашъ орелъ паритъ:
Здѣсь сроднились мы со славой,
Здѣсь побѣдъ намъ лучь горитъ.

Съ нами Богъ — и подъ Кагуломъ
Съ горстью мы плѣнили рать,
Потрясли Востокъ съ Стамбуломъ,
И Луиѣ велѣли спать.

Съ нами Богъ — и Галлъ съ полсвѣтомъ
Къ намъ едва вломился въ грудь,
Быстрымъ всплыть потекъ полетомъ;
Смерть за нимъ помчалась въ путь.

Съ нами Богъ! . . . ликуй Россія!
Палъ Парижъ къ твоимъ ногамъ;
Лютой гидры сперта выя,
Ты покой даришь врагамъ.

Съ нами Богъ — и край Азійскій
Мощнымъ Сѣверомъ попранъ;
Вислу Царь смирилъ Россійскій,
И пятой попралъ Балканъ.

Съ нами Богъ — и кликъ побѣды
Рускимъ спуществуетъ полкамъ;
Какъ Славяне — наши дѣды —
Не дадимъ хребта врагамъ.

Съ нами Богъ — и чашу брани
Мы готовы пить до дна:
Крестъ изъ сердца, мечъ изъ длани,
Смерть исторгнетъ лишь одна.

Съ нами Богъ! . . . . внимай вселенна!
Съ нами шествуетъ Богъ силъ;
Бей челомъ, иль будешь плѣнна:
Намъ Всевышній громъ вручилъ.

Кн. Платонъ Шаринскій-Шихматовъ.

5.

СТИХИ

при видѣ картины, представляющей *бурю*, во время плаванія Корабля: Императрица МАРІЯ (*) въ 1828 г. Октября.

Дохнулъ Октябрь, чело нахмуря,
На море Черное какъ ночь простерлась буря,
И воетъ вѣтръ, взвиваясь на крылахъ!
Ударивъ въ яростныя волны,
Взрываетъ ихъ въ сѣдыхъ столбахъ,
Иль хляби водъ раскрывъ, крутитъ суда, какъ челны,
И повергаетъ ихъ въ бездонной глубинѣ!
Вкругъ плавателей мракъ пучины,
И геній гибели единый
Надъ бездной бурныхъ волнъ летаетъ въ вышинѣ.

Но кто сіи пловцы, объятые пучиной?
Кого несетъ корабль, кто окруженъ грозой?
Кто сей, отъ Варискихъ стѣнъ плывущій къ намъ Герой,
Среди опасностей, всегда душою сильный?
Я узнаю Его побѣдоносный мечь,

(*) На кормѣ сего корабля находилось изображеніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Царской порфирѣ. Картина писана знаменитымъ нашимъ Художникомъ Г. Воробьевымъ.

Обтекшій молніей Турецкія равнины.
Но борется корабль: валы, какъ исполины,
Въ пучину хладную спѣшатъ его увлечь.
Властителю земли надъ бурею нѣтъ власти,
Вихрь сорвалъ паруса и разорвало снасти.
Но чьи тогда мольбы всходили къ небесамъ?
Ты, Матерь, Ты тогда молилася о Сынѣ,
Носящемся въ тотъ часъ въ бушующей пучинѣ;
Не Ты ли тутъ Сама, противуставъ волнамъ,
Надъ хладной бездною Свой скипетръ возвышала?
Въ порфирѣ, и въ вѣнцѣ — Ты морю предстояла.
Вотще стремлялся кипящіе валы,
И воздымалися бѣлѣющей горою,
Ты отрѣвала ихъ, какъ крутизна скалы!
Корабль сей — пролетѣлъ межъ бурей и грозою,
И твердый пристанемъ МАРІИ, Онъ спасенъ,
Сынъ — Матери, и Царь — Россіи возвращенъ.

Б. Федоровъ

VII.

На конецъ Г. Президентъ далъ Князю П. А. Ширинскому-Шихматову для прочтенія написанную Его Высокопревосходительствомъ статью подъ заглавіемъ:

НѢЧТО о КАРАМЗИНѢ.

Николай Михайловичь Карамзинъ родился въ Симбирскѣ. Онъ къ несчастію не долго наслаждался попеченіями и ласками своей матери, лишившейся вскорѣ жизни, однако же хотя чуть помнитъ ее; но, какъ изъ словъ его явствуетъ, воспоминаетъ объ ней съ благоговѣніемъ и чувствами благодарности, говоря:

Ты въ юности моей къ добру меня влекла,
Твой тихій нравъ остался мнѣ въ наслѣдство.

Дѣйствительно имѣлъ онъ нѣжныя чувства, любилъ природу, описывалъ ее краснорѣчиво, и еще въ молодости своей, упражняясь въ пріятныхъ сочиненіяхъ, умѣлъ нравиться своимъ читателямъ. Посланный отъ общества, по отличности ума своего, путешествовать въ чужія страны, старался онъ тамъ знакомствомъ съ учеными людьми и

собственными своими наблюденіями распространить свои познанія и обогатиться новыми свѣдѣніями. Возвратясь оттуда, продолжалъ онъ съ похвалою издавать свои сочиненія. Сія всеобщая похвала обратила на него вниманіе Государя Императора, въ слѣдствіе чего поручено ему было сочинить Россійскую исторію. Узнавъ о сей важной, возложенной на него должности, приступилъ онъ къ тому весьма благоразумно: сперьва началъ читать всѣ, принадлежащія къ тому лѣтописи Россійскія и чужеземныя, дабы примѣниться къ историческому слогу, подробнѣе сообразить и яснѣе увидѣть вѣроятность повѣствовавшихъ о томъ разныхъ бытописателей, и собравъ изъ нихъ сколько можно болѣе выписокъ, прилагать ихъ въ подтвержденіе и доказательство своихъ мнѣній. Приготовясь и снабдя себя такимъ образомъ многими вновь пріобрѣтенными свѣдѣніями, Карамзинъ началъ писать Исторію, и уже до нѣкоторыхъ временъ простеръ въ ней путь свой. Блаженной памяти Великая Княгиня Екатерина Павловна, бывшая тогда въ супружествѣ за Принцемъ Олденбургскимъ, имѣла пребываніе свое въ Твери. Она, одаренная проницательнымъ умомъ, благородствомъ души и любящая всѣ изящныя и полезныя произведенія, особливо на

отечественномъ языкѣ и къ Отечеству нашему относящіяся, узнавъ о содѣланномъ уже въ томъ нѣкоторомъ успѣхѣ сего новаго Россійскаго бытописателя, пожелала собственнымъ умомъ своимъ удостовѣриться о достоинствѣ сего важнаго сочиненія. Съ симъ намѣреніемъ призываетъ она къ себѣ жившаго тогда въ Москвѣ Карамзина, и приправливаетъ это къ тому самому времени, когда Государю Императору надлежало быть проѣздомъ въ Твери. По прибытіи Его Величества, Она предложила Ему позвать къ Себѣ Карамзина и дозволить ему прочитать сколько нибудь изъ своего творенія. Карамзинъ приходитъ, и въ присутствіи Государя Императора и Великой Княгини читаетъ имъ свою Исторію. Оба они находятъ произведеніе пера его достойнымъ уваженія и осыпаютъ его ласками и похвалами. Толь лестное одобреніе воспламеняетъ сего Писателя новымъ рвеніемъ и ревностнымъ стараніемъ о продолженіи труда своего со всевозможнымъ тщаніемъ. Онъ оканчиваетъ его достохвальнымъ образомъ, чувствуя по самую смерть свою благодарность къ Высокой Покровительницѣ, доставившей ему средство прочитать сіе произведеніе свое предъ Государемъ Императоромъ, удостоиться отъ Него благоволенія

и милостей, равно какъ и отъ благополучно царствующаго нынѣ Его Императорскаго Величества. Исторія его переведена съ похвалою на другіе языки, и служитъ пользою и украшеніемъ для Россійской Словесности.

VIII.

Въ заключеніе Г. Президентъ предложилъ Академіи слѣдующее:

„Присутствовавшіе въ послѣднее собраніе Гг. Члены Академіи получили пятую книжку сочиненія дѣвицы Ярцовой: *Полезное чтеніе для дѣтей;* прочіе Гг. Члены получатъ его по напечатаніи шестой и послѣдней книжки. Прочитавъ вышедшія пять частей, можно убѣдиться, что Г-жа Ярцова отличается совершеннымъ знаніемъ отечественнаго языка, свѣдѣніями во многихъ наукахъ и весьма рѣдкою способностію излагать избранные ею предметы слогомъ чистымъ, весьма пріятнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приспособленнымъ къ понятіямъ юныхъ ея читателей. Сочиненіе сіе безъ пристрастія можно назвать украшеніемъ нашей Словесности и драгоцѣннымъ подаркомъ для родителей, желающихъ имѣть для

юныхъ своихъ дѣтей *Полезное чтеніе*, названіе книги, весьма счастливо избранное почтеннѣйшею сочинительницею; ибо она, сверхъ сообщенія понятій о наукахъ и разныхъ предметахъ, дышитъ всюду чистѣйшею нравственностію. Нѣкоторые изъ Гг. Членовъ Академіи изъявляли мнѣ то же самое мнѣніе, и таковые же отзывы слышалъ я отъ многихъ другихъ почтенныхъ особъ, отличающихся какъ своими познаніями, такъ и любовію къ отечественной Словесности. По сему, я полагаю, что на основаніи Устава Академіи Гл. I, §§ 4, 5, и 6, Г-жа Ярцова имѣетъ полное право на награжденіе золотою медалью малой величины, о чемъ имѣю честь предложить Академіи.„

Уставомъ Академіи предписано: »Академическія награды назначать по предложенію Президента и по согласію на то 20 присутствующихъ въ засѣданіи Дѣйствительныхъ Членовъ. Изъ присутствовавшихъ сего числа Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ, 21 изъявили согласіе на предложеніе Г. Президента, въ слѣдствіе чего опредѣлено: »Золотую медаль малой величины препроводить къ Г-жѣ Ярцовой.«